

Степанов Андрей Дмитриевич

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

pp299888@gmail.com

ТОПОС «ВСЕ ЛЮДИ СМЕРТНЫ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТРИТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В статье рассматривается судьба одного из самых древних и известных топосов классической риторики — «все люди смертны», дожившего до XIX века и значительно изменившего свои функции.

Ключевые слова: топосы; риторика; русская литература XIX века.

Настоящая работа выполнена в рамках проекта, задачей которого является критическая проверка господствующего в филологии представления о четких границах между эпохой «готового слова» (другие названия — «риторическая эпоха», «эпоха рефлексивного традиционализма», «эйдетическая эпоха»), в которой господствовали явления схематизма, «готовых форм», «канона» — с одной стороны, и «индивидуально-творческой» (другие названия — «неканоническая», «лишенная схематизма») эпохи, когда искусство окончательно перестало зависеть от риторики, а художественное слово стало автономным и принципиально отличным от условно-поэтического — с другой. В большинстве концептуализаций русского реализма доминирует тезис о непосредственном отражении действительности, «жизни в формах самой жизни», воспроизведении реальности без помощи готовых схем. Однако уже А. Н. Веселовский высказывал сомнения в безусловной «индивидуально-творческой» природе современного ему искусства, предупреждая, что когда оно «очутится в такой же далекой перспективе, как для нас древность, от доисторической до средневековой, когда синтез времени, этого великого упростителя, пройдя по сложности явлений, сократит их до величины точек, уходящих вглубь, их линии сольются с теми, которые открываются нам теперь, когда мы оглянемся на далекое поэтическое прошлое — и явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении»¹. Современная историческая поэтика подтверждает правоту ученого, один за другим предлагая, в частности, словари повторяющихся поэтических и прозаических элементов, охватывающих уже не «эпоху рефлексивного традиционализма», а литературу реализма и постреализма.

Среди терминов, которые все чаще вспоминают в связи с исследованием явлений схематизма, важное место занимает «топос». Проблематику «общих мест», как известно, перенес из области риторики в литературоведение немецкий филолог Эрнст Роберт Курциус. Его классическая

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00570

работа «Европейская литература и латинское Средневековье»² показала определенную преемственность европейских литератур от античности до XVIII века, заключающуюся в использовании готовых схем мысли и выражения, сохранявших устойчивость и в диахроническом плане, и даже при переводе на другие языки. Подход Курциуса породил целое направление в европейской (прежде всего немецкой) науке, однако использовался по преимуществу как инструмент исследования топосов «эпохи готового слова». Как нам кажется, подход может быть использован и при изучении постриторических литератур, в частности, русского реализма (1840–1890-е годы).

Как было показано в нашей предыдущей работе³, для сохранения смысла термина «топос» классификация и изучение топосов должны быть поставлены в зависимость от цели говорящего. Каждое употребление топоса в конкретных текстах направлено к какой-то иллюкутивной цели (выполняет определенную функцию) — и именно их следует различать и классифицировать при изучении каждого топоса.

Так, в самом, пожалуй, известном из топосов, предлагавшихся к рассмотрению Курциусом, ученые обнаруживают две такие функции: «Ванкель показывает, что формула „все люди смертны“ используется не только в утешительной, но и в побудительной аргументации. Схема последней примерно такова: смело иди в бой! Все равно все люди смертны; зато, погибнув в бою, ты стяжешь бессмертную славу, которая даже богам недоступна»⁴. Таким образом, главными риторическими функциями топоса в «эпоху готового слова» можно считать «утешительную» и «побудительную»: его использование говорящим направлено либо на смягчение потери, которую понес собеседник, либо на побуждение его не дорожить жизнью во имя высших целей.

Однако если мы обратимся к примерам использования той же формулы в литературе второй половины XIX века, то увидим, что эти функции там почти утрачены. По крайней мере, при изучении всех словоупотреблений данного топоса и его наиболее распространенных вариаций⁵ в Национальном корпусе русского языка и в сетевых библиотеках, содержащих богатые коллекции русской литературы второй половины XIX века⁶, нам не удалось найти в текстах этой эпохи ни одного примера «чистого» осуществления указанных функций.

Зато на их место приходит другая доминирующая иллюкутивная цель. Автор или герой литературного произведения вспоминает известную фразу как пример «образцового силлогизма» прошлых времен, который следует опровергнуть или уточнить.

Так, например, М. Е. Салтыков (еще не взявший псевдоним Щедрин) в одной из первых своих рецензий на «Логику» Н. Зубовского объявляет войну силлогизмам, показывая, что они выводятся из некритически принимаемых на веру аксиом (логическая ошибка *petitio principii*). В ка-

честве примера фигурирует именно образцовый силлогизм о смертности: «В самом определении силлогизма видна уже вся его несостоятельность, потому что общее предложение, на котором все зиждется, не может быть ничем другим, как произвольно взятою ипотезою. Вы хотите, например, узнать, смертны ли вы — силлогизм смело отвечает вам: *человек смертен, вы человек; след., вы смертны*⁷. Каким образом дошел он до сознания, что человек смертен — он и сам не понимает, хоть иногда и чудится ему, будто сквозь сон, что он узнал о смертности человека именно потому, что навверное знает, что и вы смертны, и Иван смертен, и т. д.»⁸.

Совсем с других позиций опровергает то же положение Л. Н. Толстой в известном пассаже из «Смерти Ивана Ильича»: «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: *Кай — человек, люди смертны*, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости...»⁹. С. С. Аверинцев в свое время противопоставлял эту толстовскую концепцию индивидуализации всей риторической традиции, как некий «противоположный полюс», «антитезу риторическому „некто“... призванному обозначать... „вообще человек“»¹⁰. Однако заметим, что при этом Толстой, как мыслитель и полемист, не может полностью разорвать с риторической традицией и придает высказыванию своего героя определенную полемическую цель, резко расходящуюся с обычными для этого топоса функциями.

Мы видим, что для человека второй половины XIX века топос «люди смертны» подлежит опровержению. Но поскольку сомневаться в его истинности все-таки не приходится, опровержения принимают риторически-манипулятивный характер. Они не затрагивают сути утверждения, но прибавляют к нему нечто, создающее видимость опровержения. Так, Белинский в рецензии 1842 года на два сборника стихотворений Баратынского, объявляет: «Скажут: младенцы часто умирают от процессов физического развития. Правда, умирают младенцы, которые подчинены необходимо болезненным процессам органического развития и которые *смертны*, но не человечество, которое подчинено болезненным процессам исторического развития и которое бессмертно»¹¹. Здесь критик противопоставляет смертность индивида — бессмертию человечества, частное — общему, то есть также прибегает к (кажущейся) убедительной риторической стратегии.

Довольно часто в вестях второй половины XIX века исходный топос приводится без попыток опровержения — просто ради отрицания «схоластики», в качестве насмешки над риторикой и топикой. Так, разночи-

нец-шестидесятник Н. Г. Помяловский, превратившись в «нового человека», отвергает семинарское схоластическое образование и стремится показать, что с помощью принимаемой на веру топики можно «доказать» все что угодно, в том числе прямо противоположные суждения: «Педагоги получали воспитание схоластическое, произошли всевозможную синекдоху и гиперболу, острием священной хрии вскормлены, воспитаны тою философией, которая учит, что „все люди смертны, Кай — человек, следовательно Кай смертен“ или что „все люди бессмертны, Кай — человек, следовательно Кай бессмертен“...»¹².

Иногда отталкивание и отрицание выражается в том, что топос становится частью речевой характеристики священнослужителей, глубоко верующих людей, стариков, «людей старого времени». Так, в повести А. П. Чехова «Степь» старик-старовер Пантелей Холодов без конца производит «проверку своим мыслям: все ли они дома?»¹³. Эти «мысли» представляют собой когда-то принятые на веру банальности, которые, возможно, выполняли некие прагматические функции (например, «утешительную» или «побудительную»), однако теперь представляют собой застывшие мертвые знаки, нечто вроде произносимого на всякий случай заклинания. Среди них находится место и преобразованному топосу «человек смертен»: «Ум хорошо, а два лучше. Одному человеку бог один ум дает, а другому два ума, а иному и три... Иному три, это верно... Один ум, с каким мать родила, другой от учения, а третий от хорошей жизни. Так вот, братуша, хорошо, ежели у которого человека три ума. Тому не то что жить, и помирать легче. Помирать-то... *А помрем все как есть*»¹⁴.

«Утешительная» функция топоса у писателей-демократов дезавуируется даже в тех случаях, когда соответствующая сентенция произносится профессиональным «утешителем» — священником. Например, в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Попросту» похоронная речь священника передается следующим образом: «Бубнов умер раньше других, потому что был сильнее и мог больше злоупотреблять. Заливался хор соборных певчих, соборный протопоп сказал на свежей могиле небольшое слово на тему, что *все люди смертны* и есть вечная жизнь, а потом все закончилось уже похоронной мадерой»¹⁵.

Таким образом, мы видим, что в литературе второй половины XIX века топосы, сохраняя прежнюю внешнюю форму и предметное содержание, могут выступать в совершенно новых для себя функциях — вопреки Курциусу, отнюдь не освященных веками. При этом, как убеждают приведенные примеры, они все же сохраняют определенную связь с риторикой — хотя бы за счет полемической попытки опровержения прежней «схоластической» мудрости. Такое опровержение, как это ни парадоксально, также можно рассматривать как определенную форму риторики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 301.

² См.: Curtius E. R. Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. Bern: A. Franke, 1948. 601 S.

³ См.: Степанов А. Д. Понятие «топос» — проблема границ // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 41–46.

⁴ Махов А. Е. «Историческая топка»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 285.

⁵ К ним относятся такие формулы, как «все смертны»; «все мы смертны»; «люди смертны»; «человек смертен»; «Кай смертен»; «я смертен»; «<те или иные группы людей> смертны»; «все умрем (помрем)».

⁶ Исследовался прежде всего раздел «Русская литература XIX века» проекта az.lib.ru, содержащий произведения 1567 авторов.

⁷ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. С.

⁸ Салтыков М. Е. Рецензия // Отечественные записки. 1848. № 6.

⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 26. Произведения 1885–1889 гг. С. 39.

¹⁰ Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 160.

¹¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии. 1841–1945. М.: ОГИЗ, 1948. С. 434.

¹² Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. М.: ГИХЛ, 1958. С. 38–39.

¹³ Чехов А. П. Степь // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 7. М.: Наука, 1977. С. 51.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.: Правда, 1958. С. 186.

Stepanov A. D.

St. Petersburg State University, Russia

THE TOPOS “ALL MEN ARE MORTAL” IN RUSSIAN POST-RHETORICAL LITERATURE

The article discusses the destiny of one of the most ancient and well-known topoi of the classical rhetoric, the topos “All Men are Mortal”, which had survived until the 19th century and had significantly changed its functions.

Keywords: topos; Rhetoric; Russian literature of the 19th century.